

СОФЬЯ АЛЛИЛУЕВА

САДЫ ЦВЕТУТ

Софья Аллилуева

Сады цветут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69808657

SelfPub; 2023

Аннотация

Что такое окончание школы? Цветущая юность, "прекрасное далёко", первая любовь? Для выпускников Юры и Нади окончание школы – это война 1941 года, бесчисленные смерти и голод. В один день белые бантики и рубашки сменились на серую шинель и форму... А как же любовь? Неужели она иссякла на время войны? Разве она, мечтательная любительница стихов, и он, математик до мозга костей, способны на любовь? Чем для них обернётся такое "непозволительное" для войны чувство? Трагический рассказ "Сады цветут" готов ответить на все вопросы, затрагивая события, чьи отголоски до сих пор тормошат память, несмотря на скоротечность времени.

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	23
ГЛАВА 5	28
ГЛАВА 6	35
ГЛАВА 7	41
ГЛАВА 8	46
ГЛАВА 9	53

Софья Аллилуева

Сады цветут

Предисловие:

Для тех, кто все же решится прочитать его, заранее выказываю свою благодарность. Ведь я как самый настоящий школьник понимаю, что это не одно из самых увлекательных занятий. Но как автор я призываю Вас хотя бы начать.

Данное произведение написано, скажу сразу, восемнадцатилетней школьницей о времени, о котором она могла только слышать от взрослых или видеть в кинофильмах и книгах. Но данное время всегда манило её: такое далекое, но одновременно близкое; чужое, но и роднее него для неё было трудно сыскать. Даже без свойственной её возрасту романтизации она оставалась верна любви к этому времени, как оставалась верна памяти о своем прадедушке, вселившем когда-то давно это незаурядное пристрастие к прошлому, коснуться которого она не могла, но чье вуальное присутствие ощущала всю свою жизнь. Она не испытывала любви к кровавой истории или политике, а испытывала её к людям, к их несгибаемой надежде на завтрашний день, их умению чувствовать прекрасное даже в условиях страшной войны.

И нет, она не пытается задобрить или вызвать Вашу снисходительность к её первому рассказу, ведь под конец рас-

сказа Вы даже не сможете воспринимать её как человека доброжелательного, но, поверьте, она изо всех сил пыталась изобразить реалии тех лет, изучив воспоминания обычных школьников и рядовых солдат, чьи тела уже давно покоятся на безымянных кладбищах в далёких коридорах нашей памяти. По моему мнению, самый верный способ узнать историю такой, какая она есть – это не читать мемуары сидевших в уютных кабинетах командиров (но и их вклад я не ручаюсь обесценивать), а изучать воспоминания обычных ребят, жён и матерей, чьи нетронутые бедами судьбы столкнулись с лавиной войны, смертей товарищей и непоправимых травм.

И, заканчивая сию оперу от второго лица, скажу только одно: я посвящаю этот рассказ своему прадедушке – ветерану и, в общей сложности, моему герою.

ГЛАВА 1

(04.12.194....)

«...Не потому, что от неё светло, а потому, что с ней не надо света...»

– Что за нежности ты читаешь, Наденька? Разве ты забыла, что стихи, в первую очередь, должны быть философскими, о Родине, природе что ли... А здесь что? Одна любовь!

– Здесь чувства, как ты не понимаешь! Только поэт может перенести такое чувство, как любовь, на лист, да еще и так точно!

– Почему только поэт? А как же художник? Скульптор-то, к твоему сведению, вообще лепит всё, что вздумается!

– Эх, Юрка, не понять тебе никогда этого. По крайней мере, пока не влюбишься.

– Я и не хочу понимать – пустое это все. Глядишь: в Москву учиться не поеду, видите ли, стихами решил заняться. Ишь чего!

Она только слегка качнула головой и ничего не ответила. Надя, Наденька, Надежда Рябинова – так обычно её все называли. Девушка лет шестнадцати, спокойная, маленькой комплекции, но, когда дело касалось чего-то высокого – поэзии или литературы – Наденьку, словно сентябрьский день, резко сменяли листья серьезности и сухие ветки бойкости.

Ведь как же люди могли тогда писать, а любить, а жить! «Не то что в нынешнее время» – постоянно цитировала она. Наверное, всем творческим душам свойственно замечать красоту вокруг только через призму прошлого, совершенно не догадываясь, что всё это стоит прямо у её носа, а вернее – безмятежно сидит у дерева, доедая последнее яблоко. Она всегда грезила о прекрасном поэте, величаво сидящем у окна и пишущим строчки об её красоте. Ей казалось, что такие особы только и делают, что цитируют великих классиков и задумчиво сидят у пера. Но всем свойственно ошибаться, и нашей Наденьке тоже, поэтому не будем осуждать её за собственную опрометчивость.

А вот и он, «невольник чести», Юрка Жданов – друг детства Нади, и, по его словам, «верный слуга её до невероятной красоты скверного характера». Один из лучших учеников математической школы, «математик до мозга костей», как называет его Надя. Парень задорный, душа компании, но и Наденьку свою никогда не забывал – приходил к её школе почти каждую перемену, отчего над ним иногда посмеивались.

Несмотря на всю свою прогрессивность и желание добиться успехов в технической сфере, больше всего Юрий хотел оставить что-то после себя, принести пользу, особенно Родине. Он любил свой город и страну, любил сменяющуюся временами года природу, считая всех людей её отпрысками. «Она же, природа, **живая**. И, честно говоря, иногда я, про-

ходя мимо какого-нибудь сада, подойду да и обниму дерево, а оно – да не смейся ты! – дышит мне будто в самый затылок. И так спокойно на душе становится, пока какой-нибудь сторожила не окликнет, думая, что я ворую яблоки. В такие моменты я словно становлюсь таким ма-аленьким и беззащитным, а листья большими ладонями, которые в один момент могут укрыть меня. В то время казалось, что мир как-то ярче что ли. Будто кто-то с возрастом замешивает в мою глазную палитру темные краски. А я теперь даже и не вспомню, каким ярким было солнце в тот день, когда я в последний раз вышел во двор поиграть с ребятами...»

Но больше всех Юра любил её: непостоянную, такую разную, но при этом очаровательную Надю. В детстве он постоянно твердил, что она будет его женой. И если с возрастом взгляды меняются, то эта оборванная страничка желания, слетевшая когда-то с детских губ, до сих пор витает в воздухе и никак не хочет разбиваться о твердую землю обстоятельств. Но, как все знают, даже в самой знойной пустыне иногда идут дожди...

– Как там были эти строчки у Пушкина? Там про демона, влюбленного в земную девушку... Вот эти строки я люблю!

– Это Лермонтов, глупый! Как можно их путать?! Пушкин – это разум, страдающий от сердца. А Лермонтов – он... Он сердце, страдающее от разума...

*Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, – я у ног твоих!*
М.Ю. Лермонтов

ГЛАВА 2

Жарким и знойным концом весны, когда даже земля уставала от палящих лучей солнца, 11 «А» класс собрался в поход по местным лесам, которых оказалось вдоволь. Деревья служили им щитом, укрывающим от жилистых солнечных рук, называемых лучами, но как же тогда красиво пели птицы, сидящие на ветках – с такой музыкой не сравнится ни одна великая композиция. Даже Верка Селезнёва, любительница «высокой» музыки, призналась в этом.

Наденька Жданова была в обычной своей манере: задумчива и смиренна, словно сирень у окна, иногда постукивающая своими ресницами фиолетовых цветов. Юра, как и обычно, шел с нею наравне, рассказывая очередную историю об случайно удавшемся научном открытии. Заметив, что сия увлекательная тема не особо завлекала Надю, он спросил её:

– Надь, вот каков философский вопрос: любить или быть любимым?

– Такой глупый вопрос, Юрка. Словно спросил об килограмме ваты и железа.

– Так что же лучше всё-таки?

– По-моему, когда ты любишь, ты чувствуешь и творишь, ты – человек. Любовь необязательно должна быть взаимной, но она есть, витает в воздухе. Она породила войны и прими-

рения; смерти, но и дарила новые жизни. Любовь – это движение. Человек не может стоять на месте, пока он любит. Если он любит человека – он добьётся его внимания, если Родину – её благополучия, если себя – умиротворения. Жизнь – это любовь, поэтому нельзя ответить однозначно. Она просто есть и все.

– А ты сама-то любила когда-то?

– Мне кажется, это так просто нельзя понять. Только через время, оглянувшись назад, когда момент стал просто мыльным отпечатком в памяти, можно сказать, что ты любил этого человека. Ведь любовь – одна из причин, почему человек тоскует по прошлому. Мы все такие существа, которые не хотят жить в моменте. Нам постоянно нужно думать наперед. «А если он или она оставит меня? Что тогда? Может, самому отстраниться, пока не поздно?» – наша спешка губит нашу любовь, и, пожалуй, не только её. А потому и остаются воспоминания, словно наскальный рисунок, свидетельствующий о том, что такое когда-то да было, но внезапно исчезло.

– Ты так мыслишь, будто много раз с таким сталкивалась. Но уверен, что твое мнение основано только на прочитанных книгах и рассказах других девчонок.

– Человеческий опыт, Юрка, только портит человека. Он спотыкается об один камень, но потом начинает бояться дороги, усыпанной цветами из-за того маленького камушка. Поэтому я решила пройтись сначала по чужим камням, чтоб

было не так страшно ступить на свой.

Не успел он ответить, как громкий бас учителя прозвучал на пол леса, напоминая об остановке. Перед глазами комсомольцев предстала живая картина, будто с полотен Шишкина: поляна, усыпанная осколками одуванчиков, чернобровые деревья и маленькое озерце, от которого так и веяло ощутимой свежестью. Опустив все свои вещи наземь, мальчишки сразу побежали купаться, оставив девчонок одних на зеленом берегу.

– Как дети малые, что с них взять. – сказала Нина Петрова – девушка веселая и жизнерадостная, её все так и называли по-доброму «Нинка».

ПРИМЕЧАНИЕ:

Отправившись одной из первых добровольцем на фронт, Нина сразу попадет на передовую, где в последние минуты боя выбежит из окопов из-за контузии и будет расстреляна врагом. Даже на могильном кресте её подпишут как «Нинка Петрова: наша веселая, наша полная жизни.». Шли слухи, будто бы она улыбалась, лежа в могиле.

– А потом за таких кто-то да замуж выйдет, вы представляете? Только вот Юрка хорош собой: умный, в Москве учиться хочет. На инженера, между прочим! Да, Надька, ты не против, если я ему теперь читать стихи буду? – усмехнув-

шись, сказала Марина Плетнева – дочь школьного директора, славящаяся своим капризным характером.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Марина Плетнева проведёт пол войны в Москве, зная о ней только из заметок в газетах, но потом, встретив полковника, почти вдвое старше неё, пойдёт с ним на фронт, где в нечеловеческих условиях будет работать телеграфисткой. Повенчается в окопах. Встретив конец войны с ребёнком на руках, но без мужа, подорвавшегося на mine, переедет к родителям в Москву.

– Делай, что душе твоей угодно – он не собачка на поводке. Но, как было у Горького: «Рожденный ползать – летать не может.» – сказала Надежда, из-за чего у других вырвался тихий смешок.

– Твой острый язык, Надька, когда-то тебя погубит. – нервно выдала Марина.

– Девочки, давайте не будем ссориться! Мы, комсомолки, должны друг к другу относиться, как к сестрам! Разве Владимир Ильич завещал нам сеять вражду между друг другом? Позор вам! – выдался грубый голос Светы Румянцевой, свято верующей в коммунистические идеи и в правоту партии. Все предполагают, что всё это у неё от родителей – людей, ещё более верных советским идеям.

ПРИМЕЧАНИЕ:

По року судьбы, родителей Светланы еще до войны признают предателями Родины, а сама Светлана, потерявшая, словно Раскольников из романа Достоевского, веру в правую, казалось, идею, найдет пристанище у власовцев. Дальнейшая её судьба неизвестна, но предсказуема.

А солнце все продолжало светить, да и птицы петь тоже. Им все нипочём: ни гул ребят у озера, ни разрушительная, чудовищная **Она**, унесшая жизни миллионов невинных душ. Стоит ли их за это презирать? – Нисколько. Во всем виноват только **он**.

Человек.

Его мысль.

Его слово.

Не стоит разглагольствовать насчет того, насколько действия и слова равносильны по своей разрушительности, ибо они могут оказаться совсем ничтожны по сравнению с **мыслью**. Человек, уже обремененный какой-либо навязчивой мыслью, проигрывающуюся, словно пластинка – убедить в чём-то обратном сложно. Ни действия, ни слова не смогут его изменить. Но он, до мозга костей убежденный в чём-либо, может отравить той же убежденностью весь мир, ибо пустых голов гораздо больше, нежели обремененных. Вели-

кое множество павших духом, но достаточно одного мнимого мессии, чтобы все они безоговорочно поверили, что именно он избавит их от всех тягот. Почему так? – Вечный вопрос.

Пока глупого гложет голод, умного кормит **МЫСЛЬ**.

*"Тот, кто любит цветы,
Тот, естественно, пулям не нравится.
Пули – леди ревнивые.
Стоит ли ждать доброты?
Девятнадцатилетняя Аллисон Краузе,
Ты убита за то, что любила цветы."
Е.А. Евтушенко*

ГЛАВА 3

Вечерело. Собравшись у костра, молодежь напевала песни и захлеб читала стихотворения, иногда перебивая друг друга.

– Послушайте, послушайте вот это!

А Надя с Юрой сидели в стороне, молча переглядываясь с хрустальными звёздами.

Первым заговорил он.

– Надь, как же долго мы всё-таки дружим, не так ли? – сказал парень, медленно ложась на убаюкивающую своей мягкостью траву.

– Да, прилично. Почти всю жизнь.

– А если мы вдруг, скажем, поженимся. Мы года будем считать от нашей свадьбы или от момента нашего знакомства? Тогда, считай, стеклянную свадьбу мы уже обошли!

– Ну ты и шутник, Юрка. Какая свадьба? Нам же учиться ещё... – смеясь, ответила она, медленно отрывая лепестки ромашки.

– А я и не шучу. Окончу институт, ты тоже, да и возьмем и поженимся. Никуда же ты не денешься от меня, не правда ли? Как там писал один поэт:

«До свиданья, друг мой, до свиданья.

Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное расставанье

Обещает встречу впереди.»

– Ты же не любишь Есенина. Сам говорил, что пишет как-то «погано».

– А я и не люблю Есенина. Люблю его за то, что его любишь **ты**. Я готов хоть целыми днями читать тебе его, если он тебе так нравится. Да так, что скоро я тебе начну сниться. И Есенин, наверное, тоже... – усмехнувшись, сказал он.

Надя лишь усмехнулась и толкнула его в бок, а после пошла к остальным ребятам, ибо те подозрительно затихли, слушая только одного человека. Как оказалось, то это говорила Рада – девушка гораздо старше, но остававшаяся на повторные года из-за неуспеваемости. Некоторые твердили, что у неё в роду все ведьмы.

– Кому еще погадать? – гнусавым голосом сказала девушка, перемешивая стёртую колоду карт и оглядывая всех зарницами темно-карих глаз. Ты, Надька, не хочешь судьбу свою узнать?

– Я не верю в такие глупости. – твердо сказала она. – но делать все равно нечего, так что пускай.

Искусно размешав и расставив колоду карт, гадающая молча смотрела то на карты, то на Надю.

– Ну, что там?

– Дорогу вижу: длинную, истоптанную, но с внезапным тупиком. Ой, плохи твои дела, девка. Валет бубновый не к

добру...

– О чем это ты?

– И воду у дороги вижу: кристальную, как слёзы. Погубит она тебя. – спокойно проговорила Рада.

– Чушь какая-то. Говорила же, что неправда всё это! – резко поднявшись, возразила Надя, пристально взглянув в темную бездну цыганских очей.

– Мои карты никогда не лгут, но дело твое.

Рассвет. Символ начала, силы, новой жизни. Как много в этом явлении смысла: именно на рассвете был воскрешен сын Божий, именно рассвет пробуждает всё живое ото сна, именно рассветом называют вечно зеленеющую юность. Как много жизни в этом слове. Но почему именно в это время началась **Она**? Почему стерла с листа все слова в Библии о воскрешении, почему **Она** умертвила всё живое этим несчастным рассветом? Почему **Она** сделала вечнозелёную юность удушающей полынью?

Она.

Но **Она** придет с июнем – не менее прекрасным месяцем лета, не менее зелёным, но в один миг окрасившимся в алый, бордовый, темно-красный – более ста миллионов оттенков красного.

А пока юная особа медленно открывает свои зеленые глазёнки: утро такое раннее – так и норовит, словно нагая де-

вица, отвести от себя взгляд в смущении. Глаза слегка опаливает едва выглянувшая макушка света.

– Надька, вставай, так всю красоту пропустишь. Живо! – нежно, едва касаясь, теребил её плечо Юра.

– Да ну тебя! Рань такая... Чего я там не видела... – отворачиваясь на другой бок, сказала она.

– Счастья ты не видела, вон что. А оно ведь сейчас поднимется и засветит так, что обычный глаз даже не увидит, чтоб потом опять сказать, что не знает, что это такое и с чем его едят. А оно ведь, Надька, вон как близко – просто смотреть надо шире. Ну, вернее, вставать раньше, пока оно такое, знаешь, открытое взору простолюдинов. Для наших предков было одно счастье – день настал, а нам щас всего мало. Поэтому вставай давай!

Наконец сдавшись, девушка поднялась и направилась со своим спутником вверх по возвышенности, напоминающей холм.

Глаза Юры вдруг стали гораздо темнее, а руки будто начали искать невидимый фортепьяно. По шее начали стекать одинокие капли пота, словно трава внезапно решила поделиться с ним своей утренней росой. Берёзы нашептывали что-то невнятное в такт птицам, а округа внезапно окрасилась в едва-едва рыжие тона, будто кто-то разлил на неё абрикосовый компот.

– Юрка, ну что с тобой? Авось съел не то?

– Нет, Надька, хуже. Влюбился я, Надь, влюбился...

– Как? И впрямь-таки? А как же Москва? Ты же говорил, что пустое все это...

– Да что там Москва-Москва, если сердце горит, изнылось всё. Коль знал бы, что такое приключится, оставил бы в кладовке какой-то, пока не перестанет нить. Да ничегошеньки с этим не поделаешь – люблю и все. Жизнь – она то, если посмотреть, слеплена из любви. Именно из любви отдал своего единственного сына Господь, именно из любви уходят и приходят люди – из неё все, а не из-за Москвы, Надька... Недавно лишь понял.

– И в кого же? Кто эта счастливая несчастная? – усмехнулась она.

– Да вот сам не знаю, как угораздило: сама передо мной стоит. Недалече ходить за нею пришлось.

Руки. Как много могут сказать руки. Если б у них и вправду был бы язык, они бы всегда были подняты кверху, ибо устами рук говорила бы душа: смело, громко, желая во всеуслышание сказать то, что запрещает холодный рассудок.

Руки Нади сжались, обнимая её. Как же много они хотели прокричать – именно прокричать и ни что иное. Но она лишь выдала:

– Глупости, Юра. Ты просто привык ко мне, вот и внушил себе непонятно что. Несерьезно это.

И только ветер тревожил её безмятежное лицо, рассыпая по нему пряди волос, словно хворост.

Её слова пронзили его своей мягкостью, с которой она

произнесла их. Никогда прежде Юра не задумывался о чувствах, да еще и не получивших взаимности. В его голове всё было не так. А когда у людей что-то идет по плану?

– Несерьезно значит... Я понял тебя, Надька, все понял. Забудь эту глупость.

И ушел прочь. И всё, что осталось от бывшей картины – это помятая от его следов трава. А взамен – скрежущая, всепоглощающая пустота.

А солнце, то самое счастье, о котором говорил юноша, уже прикрыло свою блестящую наготу от человеческого взора. Оно облило золотом пожелтевшую траву и склонившиеся деревья. Природа продолжала жить.

А человек?

Пока да.

Надя стояла, склонившись, словно прильнувшая к лону реки ива. Ей никогда не было так пусто.

*Как? вы поэта огорчили
И не наказаны потом?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умом?
Нет! вы не поняли поэта,
Его души печальный сон;
Вы небом созданы для света,
Но не для вас был создан он!..*

М. Лермонтов.

ГЛАВА 4

Вот и весна приближалась к концу. Сладостный май, весь пропахший курчавой сиренью, аккуратно склонял в повиновении лету свою ярко-изумрудную голову. В 11 «А» близился выпускной. Уроки были скорее разговорными, нежели поучительными – учителя и ученики уже мысленно прощались друг с другом.

– Вот я, барышни-выпускницы, поступлю в ленинградский институт, да на кого-то там, а на историка! – восклицал Алексей Петров, надевая на себя выдуманную шинель и изображая Наполеона. – И заживу себе там, окруженный книгами о пирамидах, войнах, и, надеюсь, обществом таких же красивых дам!

ПРИМЕЧАНИЕ:

Алексей или, как его чаще называли, Лёшка Петров, столкнется с войной не только на страницах учебника. Более того, с последним ему так и не доведется соприкоснуться: сначала будет фронт, обезглавленная началом войны Родина, путь от сгоревших полей Севастополя до обломков Рейхстага, а после – возвращение домой без глаза и одной руки. Постаревший за четыре года на лет двадцать, Лёшка, тот самый весёлый, никогда не унывающий Лёшка, уйдет под

землю не от бесконечных пуль врага, а от одной – своей собственной.

– А ты кем стать хочешь, Вась? Полковником небось? – сказал Лёшка, да так, что в классе раздались смешки.

– Не твое дело, Лёшка. Кем захочу, тем и буду.

– Да небось папаня твой пригрел уже тебе место у себя на службе! – слышалось сзади.

– Брось эту чушь! Никто ничего никому не грел! – резко развернувшись, процедил Василий куда-то в пустоту.

ПРИМЕЧАНИЕ:

После начала боевых действий у Василия, из-за чина его отца, была возможность провести всю войну в безопасных местах эвакуации Татарстана. Но он тайно отправляется на фронт, где доблестно сражается в тылу у врага. По ускоренному обучению стал снайпером разведки. Вернулся с войны в марте тысяча девятьсот сорок пятого

А Наденька молча сидела у окна, подперев лицо рукою: мысли её были где-то там, у стен математической школы, где Юрка со своими товарищами иногда прогуливали уроки в ближайших парках. Но мысль её была не о нём, а о том, что произошло недавно: как его угораздило влюбиться в неё? Ведь он так далёк от её идеала: худощав, довольно меланхо-

личен, да при этом еще и математик! Что он имеет общего с тем же вечно обремененным страстью Лермонтовым? Или патриотичным Пушкиным? Да, может он и любит Родину, любит её... Но стихов-то он не пишет ни про то, ни про другое! Порой он настолько взбалмошен, что даже кажется, будто он сейчас вот-вот взлетит ввысь из-за своей энергии... А в романах и стихах герои не такие: молчаливы, но героичны, ответственные, а не упрямы. А он что... Впрочем, Надя и сама толком не понимала, что чувствовала к этому «математику до мозга костей», но от звука его имени по телу будто разливалось тепло, но думы её никак не хотели поддерживать такой настойчивый язык тела. А жаль...

Внезапно зашёл учитель. Все споры резко затихли. Он сел, медленно опустив голову на сложенные руки. Взгляд его аккуратно изучал каждого сидящего.

– Ну что, выпускники-новобранцы, готовы покинуть стены школы? Понятное дело, что учить математике теперь вас, граждане, уже нет надобности: уже кончается теория – вступает в свои права практика... Практика жизни.

Все единогласно заключили, что уже готовы. Хоть и на самом деле никому не хотелось расставаться с таким привычным укладом жизни.

– Запомните, – продолжал он – самое главное – это служить Родине и на благо её процветания. Наше государство, знаете ли, всё делает для вас. Просто хочу, чтоб вы знали: щас времена непростые, и даже если и выпадет надобность

эдакая сражаться за Отечество – бейте смело врага и всех его отпрысков. Не нужно никого жалеть, если дело касается сохранности нашего государства! – он стукнул кулаком об стол, и щеки его налились румянцем, будто он вот-вот и лопнет.

– А разве жестокость – выход? – проговорила Нина Петрова. – мы ведь подобными врагу становимся.

Презрительно усмехнувшись, учитель проголосил:

– Ну Ниночка, куда Вы лезете, милочка? Вам, женщинам, в такие сложные дела, как война, лезть и вовсе не стоит. Вы меня извините за мою некомпетентность, но «не бабское это дело», как говорится. А потому и смысла говорить с Вами нет.

– Протестую, Иван Михайлович! Женщина испокон веков воевала наравне с мужчиной! Я и сама бы пошла воевать, если б на кону лежали моя Родина и моя семья!

– И верите ли вы в эти сказки? Да Вы знаете, на что женщина на войне годится?! Только на... – вскинув руки, пробурчал раскрасневшийся учитель математики, едва ли не упав со стула, пока не раздался звонок.

Вера потускнела, взгляд её разочарованно опустился в пол. Прежде весёлая, её было не узнать. Взяв свой ранец, она выбежала из класса. Надежда рванула за ней.

– Ну чего ты ревёшь, дурёха? Ты же знаешь, что он всегда такой... резкий. – пробормотала Наденька, мягко обняв подругу рукой.

– Неправда это, слышишь! Я, ты, мы все... Мы ведь тоже смелые, ни грязной, ни самой чёрной работы не боимся, так почему о нас такое мнение?

– Да потому что мы с тобой, Нинка, умалчиваем об этом, мол сделано да и сделано, а война то... Мало ли что люди подумают.

– В этом и горькая наша правда...– опустив голову, прошептала Нина, ещё не зная, что ближайшее будущее позволит ей сдержать своё слово, сказанное перед учителем.

*«...Вы наплюйте на сплетников, девочки!
Мы сведем с ними счеты потом.
Пусть болтают, что верить вам не во что,
Что идете войной наугад...
До свидания, девочки!
Девочки,
Постарайтесь вернуться назад.»
Б.Окуджава.*

ГЛАВА 5

А ведь уже было лето – знойное лето тысяча девятьсот сорок первого. Но знойным его сделает не жара, которая так характерна для этой поры, а **нечто** более сильное, **нечто**, с чем наши герои ещё никогда не сталкивались, но в один момент станут жить с **этим** рука об руку тяжёлые и тернистые четыре года...

А тем временем Юра сидел на лавке и курил неумело скрученную папиросу: на душе его было гадко, даже так, что выражение «кошки скребутся» казалось слишком щадящим для его положения. Ну а что с этим сделаешь? Любовь не имеет особого возраста, времени или политического положения. Она всегда приходит неожиданно.

И **Она** тоже.

В его кладези русских колосьев, названных головою, было много формул и теорем, объявлений о работе, но особое место занимала она – **она**, словно забытая кем-то игла, стремглав стремилась к сердцу. Воспоминания **о ней** были так дороги израненному молодому сердцу, будто кто-то их вот-вот заберёт у него. А потому он прокручивал частенько один и тот же эпизод из его жизни.

Отрывок воспоминанья Юры :

«Помнится мне, Наденька, будто только недавно мы

совсем ребятки – лет так двенадцать. И сидели мы в том же саду подле текстильного завода, помнишь? Там еще тропинка была совсем не вытоптана, будто туда никто прежде и не заглядывал. А сад такой красивый: зелени настолько, что аж глаза болели, марши чистотела и ромашек, а бабочек сколько... Ты наверняка не заметила, как много их там было. Я, главное, заметил гусеницу, сидящую на яблоке, да такую пушистую, будто сейчас ветер поднимет её, и она станет первой гусеницей-лётчиком, не прошедшей испытательный срок куколкой. А главное какие у тебя тогда были бантики на волосах! Большие и синие, словно ты одолжила несколько лент у небесной лазури. Мы ещё тогда, главное, нашли самое красивое дерево, и ты предложила нацарапать свои инициалы. Получилось что-то вроде аббревиатуры «ЮН». «А кто юн?» – спрашиваю я. А ты в ответ: «Каждый, кто не в зеркало вначале дня заглядывает, а в свою душу.» – что-то вроде этого.

Мы поклялись каждое лето приходить туда, но в пятый раз, насколько я понимаю, нам уже не удастся туда вернуться. Благо воспоминания живы. Благо хоть они...»

Он ещё некоторое время простоял, понутив голову, а позже затушил папиросу и зашёл в здание школы, ведь совсем скоро должен был состояться выпускной.

Сколько было музыки, смеха, белых бантиков в хвостиков и косичках, нежно-розовых платиц и одолженных у подружек туфелек. Сколько было нудной и напутствующей болтовни учителей, вызывавших иногда зевки. Но все же вот было оно – новая жизнь. Казалось бы, экзамены ведь все сданы, да ещё и успешно! Ну, правда, кроме Лёньки, но он-то и не питал особых надежд на образование. Самое главное, что вот оно – свобода от школы и вечных уроков! Инженеры, врачи, архитекторы, хорошие матери и примерные отцы – что же ждёт каждого? Если человека и пугает неизвестность, то эта была не такой: она была несильно ноющей, но манящей раскрыть эту большую, но такую маленькую тайну.

Эта тайна была **Жизнью**.

А завтра была **Она**...

Какой же шумной была её тишина, каким спокойным было то ненастное летнее утро. Небо разразилось салютами, вальсирующими со взрывами ракет. Но на земле разразился он – строгий голос Левитана, оповещавший о **Ней**. Несмотря на догадки многих, те, кто стояли выше, до последнего не хотели верить в угрозу. Но вот **Она** теперь здесь. И для разрушения этой завесы потребуется не *один* бой и не *одна* жизнь, а *тысяча четыреста восемнадцать* тернистых дней и более *двадцати шести миллионов* жизней. Такова цена расплаты. Такова цикличность истории и людское неумение учиться на ошибках. Такова цена жизни.

Надя и Юра узнали об Её приходе от своих родителей, разбудивших недавних выпускников. Только вчера виднелась вдалеке новая жизнь, а сегодня пришла **Она** и откинула эту жизнь на многие километры назад. Как гнусно и бесчувственно. Теперь жизнь и вправду никогда не будет прежней: она теперь не будет так цепко держаться за руки своего владельца, а отступать, обессиленно разжимая по каждому пальцу. Нить жизни будет держаться, словно брошенный в пустыне, на одной вере. Сколько веры, залегшей на дне юных сердец, вспыхнуло в тот момент. Но сначала был страх. Именно та неизвестность, от которой стынет кровь, от которой невозможно убежать.

– Что же это делается, доченька? – тихо прошептала мать Нади, опустившись на стул с таким опустошенным взглядом, с которым Надя никогда её и не видела прежде.

– Да не переживай ты так – это временно, вот увидишь! – сказала девушка, сама до конца не веря в сказанное.

А за окном было тихо. Некогда шумный город погрузился в тревожную тишину. **Она** была равносильна пытке в то время: когда шумно, ты знаешь, что происходит, знаешь рёв ракет или зениток. А когда тишина – это неизвестность, такая мучительная неизвестность. Ведь никогда наперёд не знаешь, когда **Она** придет снова, когда будет настолько близко, что **Её** дыхание будет тяжело тянуться у твоего затылка.

Ко всему можно привыкнуть. И даже к **Её** условиям. Но

когда **Она** только пришла, то многие были словно сбиты с ног: а что дальше? – вертелось на умах многих. Но только не на её – Нины, Нинки Петровой. Узнав в войне, она вместе со своим братом одной из первых просилась на фронт. По поддельным датам рождения, сделанным в удостоверении, ей все же удалось добиться своего. И хотя надобности в женском составе на войне пока не было, её всё же отправили в места боевых действий, но работать на заводе, что ей не было по душе. Работая по двенадцать часов в сутки без продыху, она все равно горела желанием попасть туда, где горело пепелище боевых полей. И, спустя некоторое время, ей удалось ненароком пробраться в качестве добровольческой армии, где судьба уже ей была предписана... При первом же своем бое, не страшась оружия и падающих тел, Нинка увидела реалии того мира, того самого мира, о существовании которого не подозревала ранее: жестокого, не обременённого законом, где человек мог делать, что душа желает. Но по року судьбы он возжелал именно крови и власти, а не жизни и мира. Иногда разум не соразмерен душе и её напору, а потому и сковал шок и бред Нину. Сидя в полных грязи и орудий окопах, ей вдруг вспомнилось детство: недавнее, но уже такое далёкое. Как она бежит по бескрайнему полю, пока бабушка кормит лошадь. Поле казалось таким чистым и бесконечным, что она не смогла вообразить, что оно станет самым грязным и кровавым местом на земле. Почему звук шелеста золотых колосьев сменился заревом пуль и взрывов?

Выбежав из окопа, она, схватив столько гранат, сколько могла, задумала было кидать их в сторону врага. И вот она стоит одна на истоптанном поле, наконец получив возможность разглядеть, что творится на той стороне: множество голов в касках, похожих на подберёзовики, умело спрятавшихся в осенней листве, грязь и кровь. Нина впервые ощутила себя будто отдельной от тела. Она взглянула в сторону своих товарищей с пустым, с кое-где проглядывающим в глазах юным огоньком. И просталась.

Она просталась...

Но не успела поднять хотя бы одну гранату, как вдруг застыла. Её пронзило пулей. Ещё одной. И ещё ещё ещё ещё ещё ещё ещё ещё ещё.

Слишком много.

Она застыла в движении, вскинув руки. Какими же яркими были в тот момент её светлые волосы на фоне побоища, на фоне грязи и огня. Как ярко светились в последний раз её голубые глаза, каким белым было её безмятежное лицо... Приоткрыв рот в бесшумном звуке, Нина Петрова приникла лицом к земле, будто к самой мягкой подушке, и уснула. Уснула навсегда.

А тем временем всё безмятежно шёл дождь и цвели сады, летали птицы и рождались люди. Но только без Нины, без её звонкого смеха. Мир лишился смеха миллионов таких Нин, оставив их прозрачною дымкой на слезах матерей. Разве та-

кова цена жизни?

*«Эх, Нина, Ниночка, моя блондиночка,
Родная девушка, ты вспомни обо мне!
Моя любимая, незаменимая,
Подруга юности, подруга на войне...!»
Отрывок из песни военных лет.*

ГЛАВА 6

Она не спрашивает, когда ей прийти. **Она** загребает, словно лопатой, с собой всех: любящих отцов и матерей, хороших жён и мужей, весёлых парней и девчонок. Она не жалеет даже детей – тех, чье пребывание на Земле было короче, чем вся **Её** длительность. Так **Она** загребла и Юру: внезапно и подло, не разрешив и вымолвить слово против. Он с самого начала знал о своей участи и чувствовал, что его долгом было и есть защитить Родину – впрочем, как и у всех юнцов, слылавших о войне только на уроках истории. Но одно его держало, один отголосок старой жизни – его Наденька, ведь он с тех самых пор не заговорил с нею ни разу. Казалось, что ещё успеется, что всё ещё впереди...

Стук в дверь. Это он. Надя знала это, потому что ждала. Когда томишься в ожидании, кажется, что весь мир пропитывается тем, чей приход ты так ждешь. Услышав его «а Надю можно?», – она резко вскочила, но остановилась на полпути, дабы не показывать своё подлинное состояние.

– Да, я здесь, Юра. Ты чего-то хотел?

– Пошли со мной, Надь, мне нужно с тобой поговорить...

– произнес он так тихо и несмело, что она его даже не признала.

Согласившись, он так неловко и нежно взял её за руку, будто бы боясь, что она отвергнет этот жест. Но раньше он

так делал постоянно, но сейчас все по-другому, абсолютно всё...

– Куда мы идём? – старалась твёрдо спросить она, но получилось всё же тихо и сипло.

– В сад наш идём, ты забыла разве? Мы ведь поклялись. – остановился он, взглянув на неё.

– Зачем нам туда, разве здесь нельзя поговорить?

– Только в этот раз. – его голос звучал отчаянно, хоть и старался он это скрыть. Но обо всем говорили руки, слегка сжимавшие её запястье.

– Ну хорошо...

Придя к тому самому дереву, где были вырезаны их инициалы, всё было как прежде, но несколько деревьев уже пострадали от бомбардировок, скосившись угрюмо вниз. Но их дерево было целым, их дерево «ЮН».

Он не стал медлить:

– Я уйду, Надя, уйду на фронт. Ты и сама это знаешь. Я просто хотел увидеть тебя вот так, как раньше. У этого дерева, держащую меня за руку. Я не мог с тобою не проститься.

Хоть Надя и прекрасно понимала, что он уйдет, но, когда он произнёс эти слова, она не могла поверить. Они были сказаны тихо и быстро, но их звук показался ей оглушительным. Из её глаз впервые покатались одинокие слёзы, словно хрусталь, выставленный на солнце.

К ней впервые, как и ко всем людям, внезапно осознавшим всю ценность приближающейся потери, пришло наи-

тие: какими были красивыми его глаза: такие голубые, такие живые и ясные. Она представила, как такие нежные глаза, не знавшие смерти, будут наблюдать её чаще, чем что-либо. Она заметила его руки, которые были все в мозолях и царапинах от работы, но которые были такими нежными, когда держали её за руку. Все её представления внезапно рухнули: раньше люди любили так, как и сейчас, как и всегда. Шаблон идеального задумчивого поэта рассыпался, оставив неприятную горечь разочарования из-за своей недалёковидности. Вот же оно, счастье, перед ней же. Так близко, но так далеко, словно солнце, о котором говорил Юра. Но теперь, кажется, слишком поздно для признания. Как он пойдёт воевать, зная, что она любит его и переживает? Он не вынесет ещё и это бремя!

– Юра, ты прости меня за то, что было тогда, в лесу... Я не со зла, я правда думала, что ты шутишь! Юра, слышишь?! Прости меня, пожалуйста. Я так не хочу, чтобы ты уходил, чтобы ты оставлял меня, я ведь... – она начинала тихо всхлипывать, каждое слово давалось всё тяжелее.

– Что «я»? – спросил он, дожидаясь ответа, будто от него зависела вся его жизнь.

– Ничего, ничего... Я так, от неожиданности... Пожалуйста, пообещай мне, что вернешься живым и будешь писать. Я буду каждый день молиться, дабы пуля обошла тебя.

– Я обещаю, Надька, обещаю. Ты ведь будешь ждать меня, так? – сказал он, аккуратно прижав её руку к своей груди.

– Да, я буду тебя ждать, глупенький, конечно буду...

– Тогда душа моя спокойна. Послезавтра я отбываю, надеюсь, ты придешь меня проводить?

– Конечно же, конечно я приду.

Всю ночь она провела в бессоннице, выстирывая подушку своими слезами. Казалось, что она никогда так прежде не плакала, как сейчас. От горя она вспоминала всё то, что происходило в тот день: предсказание, признание Юры, немой рассвет... Она хоть и сказала, что не поверила гаданию, но с тех пор ни разу не ходила в озеро и каждый раз проходила мимо них с опаской. С уходом Юры это чувство обострилось, ибо Надя так хотела жить. **Жить, чтобы знать, что он тоже жив.**

Ранним июльским утром она уже стояла на станции, сжимая в руках нечто, похожее на лист. Надежде казалось, что её волнение замечали все, благо не она одна стояла на станции, судорожно поправляя платье: десятки девушек, матерей и жён тоже сопровождали своих, с сегодняшнего дня, солдат. Завидев Юру, она попыталась оживиться, но вышло, по правде говоря, неуклюже. Он был в форме, в гимнастёрке и начищенных сапогах, коротко говоря – в полном комплекте. От такого вида она не смогла сдержать слёз. Где же теперь его золотые колосья волос? Вместо них – набок надетая пилотка и стриженные росточки когда-то солидной шевелюры.

Как же он изменился за два дня...

Подойдя к нему, она молча вложила листок и зажала его кулак. Как оказалось, это была её единственная фотография, сделанная ею несколько месяцев назад.

– Я обещаю, что буду хранить пристальнее собственной головы. – прошептал он, всматриваясь в глаза Нади, будто ища в них ответ на давно волнующий вопрос.

Но недолго им осталось стоять: прогремел клаксон – пора ехать.

Вот и дернулся поезд. Юра крепко обнял мать и Надю, собираясь запрыгнуть в один из первых вагонов.

– Стой, подожди, Юрка! – выбежала девушка из рук матери. – я люблю тебя, слышишь, люблю! Знай это, пожалуйста! Вернись домой ради матери, ради меня! Я буду ждать тебя, слышишь?!

Он рванул к ней с такой силою, что чуть не сбил её с ног и обнял так крепко, что она чуть ли не поломалась вся. Но эта боль была из самых приятных, которую ныне ей доводилось испытывать. Слезы у них потекли градом, перемешавшись друг с другом. Но **Она** не ждет. **Она** никогда и никого не ждет. А потому он уехал, запрыгнув в последний вагон, оставив Надю с мамой одних на станции. Его слёзы ещё долго не застывали у неё на щеках.

*«...Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.*

*Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, -
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.»
К.Симонов.*

ГЛАВА 7

А война всё продолжала охватывать новые и новые города и сёла, оставляя после себя разбитые судьбы, сожжённые дома и голод. Те, кто встретился с ней лицом к лицу никогда не вернутся назад прежними – их сон будет неспокоен всю жизнь, ибо в нём они опять будут возвращаться на одно и то же место – на место жесткого и кровавого боя, к пустым зеркальным глазам убитого снарядом товарища, к фронтовой ненаваристой похлебке. Война никогда не проходит бесследно. Но, несмотря на всю брэнность ситуации, люди привыкали даже к «военным» условиям жизни: делить пайки на всех членов семьи, не страшиться крови и взрывов, ждать с нетерпением весны и лета, ибо зима приносила с собой не только выюгу и стужу, но и страшный голод.

А зиму встретила наша Надя вместе с мамой, ютясь в маленьком домике у тёти, ибо прежний их дом охватило пепелище последствий боя. В те времена как никогда страшилась Надя воды: она избегала даже самых маленьких ручейков и иногда боялась больших сугробов, навязчивые мысли одолевали её, добавляя ко всему этому месячное отсутствие писем от Юры.

В мыслях она всегда писала ему письма, будто ведя свою жизнь в одной большой телеграмме. Так, казалось, ей удавалось оставаться стойкой, вселяя в себя бесплотные причины,

по которым он не мог ей написать. Все существа разумные любят питаться надеждами, полагаясь на игры разума – вот почему нам легче, нежели животным, но и одновременно тяжелее, ибо мысли наши иногда всё же начинают брать над нами верх, вселяя убеждение, будто они разумнее нас самих.

И плодом этих мыслей стал недавний сон Нади: ей чудилось, будто сидит она у сада и видит, как спиливают его буйные стволы под самые корни, оставляя обезглавленные пеньки. Снится ей, что полыхает он в пожарище невиданных размеров. И, среди башен и высоток пепла, она вдруг увидела его – их с Юрой дерево, почти невредимое, но ошпаренное последствиями пожара и вырубки. И хочет, главное, прикоснуться к нему, а у неё не получается пройти – между ними река. Так и стала она стаскивать груды камней, дабы пройти по мели, да люди завидели её и начали помогать перебраться на ту сторону. Спрашивает она, мол: «Кто вырубил лес? А они отвечают: «Приказано было, на благо остальных садов.» «Но это же тоже сад!» – восклицает она. «Да, сад, но здесь не такие плоды, как в округе: везде растут груши, а здесь яблони. Значит нужно рубить на корню. Мы пытались сделать из него грушевый, пересадив почти все деревья, а оно вон опять проросло. Не дело» «Так в чем же проблема оставить и те, и те?»».

«Не знаем. Не велено – значит не велено. Либо те, либо эти. Так нужно.»

И разразилась Надя слезами горькими, да такими, что са-

ма проснулась с ними на щеках. И на миг показалось ей, что это были не её слёзы, а Юры...

А между тем война продолжала, словно весна в феврале, вступать в свои владения: их маленькая деревня кишела окопами, дотами и ограждениями, превратив все улицы в месиво грязи из-за перекопанных по бесчисленному количеству раз дорог. Дети играли с вышедшими из строя гранатами, а старики мирно ворковали на лавках прямо возле ям, оставшихся от разорвавшихся снарядов. Люди привыкают ко всему, даже к войне. Но кажется, будто небо накопило в себе весь порох и сажу и стало от этого серым и невзрачным, передавая все душевное состояние людей. Еды оставалось все меньше: зима забирала всё самое последнее, вынудив всех сократить приёмы пищи до двух, а некоторые и до одного раза в день.

Состав, получивший распоряжение оборонять сельскую местность, тоже жил несладко: снег, грязь, холод, цинга – вся эта «руда» попадалась во время бесчисленного по счету выкапывания окопа. Но местные жители всегда старались помочь, чем могли: едой, кровом или тёплыми вещами, а потому солдаты в ушанках и платках не были такой уж редкостью.

Но внезапно вдали показалась фигура: в простенькой шапке и потертом пальто, но вблизи виднелось красивое и безмятежное, хоть уже и с некоторыми морщинами, лицо. Под платком виднелось множество седых волос, хотя ей на вид

было около сорока лет. Она несла авоську, а внутри была деревянная коробочка. Окликнув солдата, женщина вручила ему содержимое. Тот немного потупил и взял коробку в руки, и, подойдя к товарищам, достал оттуда старенький, но хороший фотоаппарат.

Старики на лавке, заметив это, начали было перешёптываться:

– Чего это она отдала ему? – спросила женщина достаточно преклонного возраста.

– Авось машинку печатную какую-то, не увидела. – шурясь, выронила другая.

Услышав оживлённый разговор, к ним подошёл мужчина, бывший когда-то учителем математики.

– О чём толкуете, дамы? – спросил он.

– Да вот, это самое, Любовь Андреевна, представляете себе, принесла какую-то печатную машинку солдатам! Бедная, совсем от горя осунулась...

– С какого горя, о чём это вы?

– Так это-с, недавно ж ей похоронка пришла. Мы то все думали, что сын её погиб на фронте, а это...

И не успела она договорить, как ведро выскользнуло из его морщинистых рук. Он медленно опустился на лавку, смотря куда-то в невесомость. Действия его были непонятны, медлительны до странности, но только вот он сразу понял, о ком шла речь. Нинка, Ниночка... Она, она это была! Совсем недавно только из школы, из белых кос выпустилась, а уже

в могилу! И так стыдно и горестно стало ему на душе, ибо последние слова его были столь нелицеприятны и глупы. Как он был неправ! А девку-то теперь не вернёшь, и никакие покаяния ей теперь не нужны. Он сложил две руки у лица и медленно пошатывался взад-вперед, будто убаюкивая себя. Слегка шоркая сапогами, бывший учитель математики подошёл с глазами, полными желанием опровержения солдатом его собственных дум. Он попросил «печатную машинку» и, открыв деревянный ящичек, удостоверился, что это её вещь. Фотоаппарат Нины, который она брала с собой на последний звонок, даже на ремешке виднелись её инициалы. С этих пор ни одно слово из его уст не вырывалось полноценно. Он начал заикаться.

*Где он, юный, синеглазый, милый —
Та любовь, та первая весна?
Сколько их, таких, безумной силой
Растоптала и сожгла война!
Вы глаза одним закрыли сами,
Не простясь, оплакали других.
Письма с полевыми адресами
И сегодня ждете вы от них...
Где та юность, за какими далями,
Женщины с военными медалями?*
А. Ванеев

ГЛАВА 8

А с фронта всё не было новостей, но между тем уже начали таять застоявшиеся снега, оголяя заспанную от морозов землю. Но пока весна смиренно вступала в свои владения, народ боролся с врагом. Именно народ, а не кто-либо ещё: ленинградцы, пережив одну из страшнейших зим блокады, убирали улицы от мусора, остатков оружия и трупов. В боевом деле было складно, но успешно: войска Красной Армии достойно противостояли противнику, окружив её демянскую группировку армий «Север». Но, увы, деблокаровать Ленинград от лап врага всё ещё не удавалось. Неся огромные потери обычных рядовых, молодых и старых, женщин и детей, советский народ как никто другой знал вкус войны: гадкий, вперемешку со слезами и кровью, грязью и потом. Как сказала Светлана Алексиевич в своей книге «У войны не женское лицо»: **«Если не забывать войну, появляется много ненависти. А если войну забывают, начинается новая. Так говорили древние.»** – только те, кто всем своим нутром ощутил все тяготы войны, не возьмутся за неё. А те, по чьей вине и произошла война и те, кто только слышал о ней не прочь её и повторить.

Так и продолжался день за днем у Нади Рябиновой: в ожидании письма от отца и Юры. Но ни от одного, ни от другого телеграмма так и не приходила. Забросив стихи и театры, де-

вушка проводила по двенадцать часов на заводе вместе с матерью, ибо еды было мало, а рабочим предоставлялся двойной паёк. От болезненной усталости ей редко приходилось изнывать от тоски по новоиспечённым солдатам, но, приходя ночью домой, она всегда смотрела в сторону лужайки, где простиралась тропинка к их саду. А дальше следовали голод и засуха...

Есть одно явление, который связывает человека и животного – это способность **приспосабливаться**, способность **выживать**. Если животное попадает в критическую для него ситуацию, угрожающую ему или его потомству, то он либо жертвует одним детёнышем на благо остальных, либо дольше и усерднее охотится. Так и человек: он сделает всё, чтобы выжить, несмотря на окружающие его условия. С голодом каждый стал сам за себя: у каждого была критическая ситуация, от которой зависела жизнь человека или его детей. Появилось разобщение. Но отличает человека от животного одного огромное «но» – у человека есть нравственность, есть душа. Невзирая на голод, бомбёжки и смерти люди продолжали кормить себя как не физической, так духовной пищей, сохраняя трезвость рассудка: в том же блокадном Ленинграде Театр Музыкальной Комедии проработал все девятьсот дней блокады. Также стоит упомянуть всеобщее желание ленинградцев сохранить наследие Эрмитажа: множество экспонатов, исторически важных рукописей (в том числе и А.С. Пушкина) были сохранены и вывезены только с помощью

обычных граждан и военных, объединивших свои силы на благо искусства. Театры, живопись и стихи были так же важны для людей, как оружие и продовольствие, иначе мы бы не читали и пели с таким трепетом стихи и песни военных лет. А сколько писем было послано! Фотографии, стихи, воспоминания – всё это и составляет наследие войны, тех кровавых лет, которые кроются не только в задокументированных записях, но и в телеграммах обычных рядовых...

Такая телеграмма пришла и ей, да, именно ей. Она наконец-то дождалась письма...

Это произошло в мае тысяча девятьсот сорок второго. Тогда был особенный день: солнце светило сквозь вуаль затянувшихся туч. Надя еще процитировала Пушкина: «Люблю грозу вначале мая!». Она, как и великий поэт, очень любила такую погоду. Контраст жёлтого и серого – тучи и солнце. Надя встала гораздо раньше, чтобы перед работой почитать стихи. Но её так и тянуло на улицу, ибо она невероятно соскучилась по обычным беззаботным прогулкам. Время, когда она могла спокойно прогуливаться, давно стерто грубой щетиной войны. Да ещё и постоянное чувство голода не давало насладиться полной пейзажей. Тем не менее, она всё же решила прогуляться. Как душиста была сирень в тот день, а какими наливными казались болтающиеся на дереве яблоны, хотя они были ещё далеко неспелыми. Но трава была неподвижна и без капли росы, даже собаки и то не лаяли.

Всё казалось таким тихим...

Проходя мимо заспанных улочек, она завидела фигуру, старающуюся выкрутить ведро из колодца. Фигура достаточно тучная, а потому Надежда сразу признала в ней мать Юрки – Надежду Витальевну: женщину до нельзя добрую и ласковую, но по деревне судачили, будто она одна из самых главных сплетниц. Наде всегда нравилась эта женщина, ибо муж стал калекой в гражданской, а она сама взрастила троих мальчиков. Невероятной силы, казалось, была Надежда Витальевна, но почему-то ведро с водой будто было слишком неподъемной ношей для неё. А потому Надя решила ей помочь:

– Вам помощь не нужна? Давайте я ведро выкручу.

– Ой, Надька, ты что ли? Не признала, ей Богу! Я уж тут раскраснелась вся. Конечно, можешь помочь. – она дала Наде выкручивать ведро, а сама начала:

– Вот, знаешь, Надька, ты мне всегда нравилась: хорошая, добрая, Юрку моего любишь... А ты знаешь, он лишь кажется таким смелым, но без женской руки он не сможет. Он с детства был, как девочка, тихий такой... Книжки читал. Мы с его баткой всегда старались не обидеть его, а то он чуть что и как заревёт... А щас смотрела на него в последний раз, так вырос, возмужал... Только вот, Надька, не пишет он матери давно, – она начала вытирать слезы фартуком – а я то жду, каждый день жду... Семёныч говорил, что видел его ещё в ноябре, а с ноября-то сколько времени прошло! Что же это

будет то... – начала было причитать, но вдруг её отвлек лай собак.

Это был почтальон, разъезжающий на своём полуразвалившимся велосипеде. Говорит, мол, «здесь ли гражданочка Жданова проживает?»

– Да, я это! От кого письмо? – подлетела она к нему, будто от этого письма зависела вся её жизнь.

– Да я, собсна говоря, не ведаю. С фронта письмецо. А, вот, Вы мне сначала скажите, где Надежда Рябинова проживает? Ей тоже письмо!

– Здесь я, здесь! – сказала Надя, сразу повеселев и начав старательнее крутить воду.

– Сначала Вам письмо, милочка, тоже с фронта. Передадите, мадам?

– Конечно! Вы только моё мне дайте, моё письмо! Мне от сына!

– Держ... – он прервался, достав письмо. Ему не раз доводилось раздавать подобные, но каждый раз у него перехватывало дыхание, словно у рыбы, выброшенной на сушу.

– Чего это Вы? – не заметив ничего, она начала было вскрывать письмо, да только видит не Юркин почерк, да и документ, не похожий на письмо.

– Ну что там, Надежда Витальевна? Воюет наш боец? – с большим интересом спросила Надя.

Звук вскрытого письма – и тишина. Мгновенная и оглушающая. Хватило только общего взгляда на письмо, чтобы

понять, что оно не от сына. Женщина медленно повернула голову к Наде, опершись на забор. Рот её приоткрылся в немом звуке, а глаза будто выпали из орбит. Она медленно поднесла руку к губам и упала на колени, завыв, как раненный зверь.

– Что ты принес мне, проклятый?! Что это за чушь, где моё настоящее письмо?! Куда... КУДА ВЫ ЗАБРАЛИ МОЕГО СЫНА?!

Её неистовый крик был слышен, казалось, по всей округе. Она плакала. Как же она плакала. Так, наверное, плачут только перед казнью или от дикой беспомощности. Даже от боли так не плачут. Слёзы текли большими гроздьями по её загоревшим от работ щекам и рукам. В военное время именно почтальоны стали вестниками смерти. Именно на их долю выпало извещение о самом наихудшем – о потере родного человека. Хоть и для этого почтальона было не впервой наблюдать подобное, но что-то так щемило старое сердце. К такому никогда нельзя было привыкнуть.

Надя сразу поняла, о чём шла речь: ей было не впервой слышать и видеть такое даже проходя мимо улиц. Плач и крики матерей были обычным явлением в их деревне, но ей всегда казалось, что это коснется всех, но не её. Но не её...

Даже не успев опомниться, она не сумела удержать ведро, ставшее в одно мгновение тяжелее втрое. Попятившись назад, вес ведра затянул её в колодец, оставив после неё только

КОЛЫХАЮЩУЮСЯ СИРЕНЬ...

*«Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявление,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.»*
А.Тарковский

ГЛАВА 9

И всё же спасти Надю удалось, но она долго не могла прийти в себя. Взгляд её был затуманен, а голову сковал бред, но все пророчили, что она пойдёт на поправку, и обычная простуда не станет ей помехой. Так и продлилась половина мая. Когда всё же очнулась, она не могла ни есть, ни пить. Бредила. Постоянно **Его** звала. Сквозь неразборчивые мычания ясным и понятным звучал лишь звук **Его** имени. На фоне старых одеял и пружинистой кровати она была такой белой, словно разлитая кем-то по грязи белая краска. Только вены цвета сирени едва проглядывались на её тонких руках. Но самым страшным казался её взгляд: её пустые глаза, где зрачки были цвета мазута, которые вот-вот займут собою всё пространство. Они смотрели куда-то за пределами материальных и духовных миров, куда-то в такую всеобъемлющую даль, что если мать и поглядывала, куда это она смотрит, то понять всё равно не могла.

Казалось, что со днями ничего не меняется: она по-прежнему отказывалась подавать признаки жизни, по крайней мере, делала это будто бы по своей воле. А между тем ей всё чудился сад, будто даже запахло его наливными яблоками и папиросой Юры... Они ведь договорились после войны туда попасть. Они должны были. Там даже листья там по-другому шуршали, а такие зелёные, будто их цвет можно было оце-

нить на вкус. И цветы... Как много там было полевых цветов: ромашки, маки, пожарницы... Почему именно воспоминания так красочно описывают то, чего она не замечала, будучи там? А так ведь всегда и бывает, будто бы наш разум осознаёт важность этих моментов больше, чем мы сами...

Но теперь это всё казалось таким далёким и невозможным, словно вовсе и не бывало. Сон, прерванный так не вовремя. Целая жизнь, прерванная так не вовремя.

А за окном всё лило и лило. Окоченевший от дождя конец мая кое-как испускал последний свой дух в виде слабых лучей солнца, мелькающих через мутную простыню туч. Сирень начинала потихоньку отцветать, оставляя после себя дымку нежно-розовых, белых и темно-фиолетовых звёзд, по природным законам оказавшихся на земле. Так и чахли они одиноко, иногда поглядывая в окна такой же чахнувшей Нади.

Но в один день она всё же пришла в себя. В один день даже смогла вскинуть руку. Она попросила только: «Письмо. Дайте мне его...».

Когда оно только попало в её слабые, словно мёрзлые ветки калины, руки, она начала медленно проходить глазами по каждой букве, читая все слова с **его** интонацией, иногда заглядывая некоторые звуки, как это делал когда-то **он**.

03.12.1941, 12 часов ночи.

Дорогая моему сердцу Наденька! Пишу тебе прямо с

передовой сидя в окопе. У меня все хорошо, жив-здоров, осколком не ранило. Правда холодно здесь до жути, сыро, из-за того и кашляю постоянно. Но это пустяки, ты не печалься, Наденька. Война идёт своим чередом, грохот гранат и пуль мне уже привычней и спокойней шума дождя, ведь затишье – это не к добру, а так знаешь, где фриц прячется. Но сейчас не об этом. Почта здесь плохая, а я, моя голубушка, живу только твоими письмами да фотографией (она всегда в моем нагрудном кармане) перечитываю и пересматриваю всё по нескольку раз. Забыл сказать, что прикладываю отрывок из стихотворения твоего любимого Анненского, которого я по удачному случаю вырезал у боевого товарища из томика со стихами. Я уже выучил его весь наизусть. Как приеду расскажу. Не узнаешь меня!

Вот сижу я здесь, выжидаю, холод-голод там...А в голове ты. А потому и тепло мне, Наденька. Ты пиши, пожалуйста, почаще. Я очень жду. Мамке моей скажи, что передаю ей привет и что жив-здоров, напишу ей позже. Мне на самом деле некогда, а письмо можно только одно. Пусть не обижается. У неё наверняка вон сколько писем от братишек, а я у тебя один. Я люблю тебя, моя Наденька

Верный слуга твоего до невероятной красоты скверного характера, твой математик до мозга костей

Юрка Жданов.

«...Жданов.». Дочитав письмо, она ещё несколько раз

прошла по нему глазами, будто там могли быть скрыты от её взора новые слова. А вдруг она чего-то ещё не заметила? А вдруг ещё что... Глаза её неистово болели, слезясь, краснели с каждым разом всё больше, но она никак не могла перестать читать его. Она никак не могла понять, что **его** теперь нет и не будет. Больше никто не напишет ей ни одного письма, ни одной строчки. Не разбудит на рассвете посмотреть на солнце, не назовёт так нежно Наденькой. Больше некому.

И некого уже называть так.

Надя умерла тихо, без страданий и боли через несколько дней после продолжительного прочтения письма. Заснув однажды, она уже никогда не приходила в себя. Когда мать зашла её проведать, её лицо было таким безмятежным и белым, словно у маленькой куклы на снегу. Даже казалось, что она немного улыбалась. Волосы колосьями были разбросаны по старой подушке, вырезая узоры, которых уже никогда не потревожат. Они так и останутся лежать.

Хоронили её в старом свадебном платье её матери, как и полагается незамужним покойницам. Платье было желтоватое от старины и неказистое, но как же его украшала Надя... Какой же красивой невестой она была бы. И сколько таких же красивых невест было бы, если бы не **война**.

Последнее пристанище ей нашлось у сада, куда она ходила когда-то с Юрой. Даже некоторые поговаривают, что у того самого дерева « ЮН». По страннейшим обстоятельствам вышло, что кладбище за несколько дней до похоро-

рон разбомбили, поэтому пришлось хоронить в другом месте. Было ли это дело случая – неизвестно. Некоторые ещё говорили, будто бы во время очередного голода, совпавшего с засухой, только одно дерево плодоносило яблоками – то самое дерево, положившее начало и конец чьей-то истории.

**Война шла, люди шли на войну, люди гибли на войне,
А сады все цветут...**

*Среди миров, в мерцании светил,
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я **Её** любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у **Неё** одной ищу ответа,
Не потому, что от **Неё** светло,
А потому, что с **Ней** не надо света.*

И. Анненский

Софья Аллилуева.